

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

1808—1809 гг.

(Продолженіе ¹⁾).

Весенняя кампанія 1809 г.

Бой у Шелефтё

18-го апрѣля графъ Шуваловъ началъ свое наступленіе въ Вестроботнію четырьмя «колонами» (правильнѣе — эшелонами), изъ коихъ первая (авангардъ) былъ подъ начальствомъ Эриксона, вторая и третья—Алексѣева и Тучкова 4-го, а четвертая (слѣдовавшая изъ Улеаборга)—Готовцева. Прибытія послѣдней графъ Шуваловъ не сталъ дожидаться и пошелъ изъ Торнео только съ первыми тремя, общеою численностью въ 5,000 человекъ. Какъ извѣстно, ближайшею частною задачею Шувалову былъ поставленъ *захватъ шведскихъ продовольственныхъ магазиновъ*, изъ нихъ ближайшимъ къ границѣ и наиболѣе снабженнымъ запасами былъ находившійся въ Шелефтё, примѣрно на полу-пути между Лулео и Умео, на паралели финляндскаго города Брачестада. Въ калликской «конвенціи» собственно говоря значилось, что русскимъ уступаются всѣ магазины, находящіеся между Калликсомъ и Умео, другими словами—и Шелефтинскій. Но новый главнокомандующій шведскихъ войскъ, Вреде, не призналъ этого условія и приказалъ охранять магазинъ войсками.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 6.

Баронъ Фабіанъ Вреде былъ однимъ изъ сподвижниковъ Густава III, быстро выдвинутымъ имъ впередъ на военномъ поприщѣ. Онъ въ молодые годы служилъ во Франціи, отличился въ финляндской войнѣ 1788—1790 г., 28-ми лѣтъ былъ уже полковникомъ, а въ 1805 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Неудачный Померантскій походъ 1807 года навлекъ на него немилость Густава IV Адольфа, хотя, въ сущности, неуспѣхъ въ данномъ случаѣ всего болѣе зависѣлъ именно отъ вмѣшательства самого короля.

Назначенный въ началѣ апрѣля 1809 года главнокомандующимъ вмѣсто престарѣлаго Клеркера, Вреде началъ свою дѣятельность съ воспрещенія сдавать русскимъ находившіеся въ Вестроботніи запасы. Посланный имъ впередъ интендантъ арміи Клингстедтъ засталъ въ Шелефтѣ русскихъ чиновниковъ, принимавшихъ продовольственные запасы изъ шведскаго магазина... Узнавъ объ этомъ, Вреде приказалъ Кронстедту немедленно продвинуться впередъ съ бывшими у него въ распоряженіи войсками. Въ 20-хъ числа апрѣля войска эти стали собираться въ Гернезандѣ и Умео, а отряду полковника Фурумарка приказано усилить гарнизонъ въ Шелефтѣ и прекратить вывозъ запасовъ русскими. Всего тамъ набралось около 800 человекъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ Фурумарку было велѣно какъ можно скорѣе вывозить изъ Шелефтѣ всѣ бывшіе тамъ запасы и имущество.

26-го апрѣля графъ Шуваловъ форсированнымъ маршемъ пришелъ въ Питео, оставивъ на пути этапныя команды для обезпеченія подвоза, такъ какъ отбирать припасы у крестьянъ онъ не находилъ выгоднымъ, опасаясь вызвать возстаніе, которое могло бы грозить серьезно нашему тылу. Однако, и подвозъ организовать было крайне трудно, такъ какъ крестьяне прятались по лѣсамъ, уводя лошадей и повозки, и сборъ перевозочныхъ средствъ былъ весьма затруднителенъ.

Въ свою очередь Фурумаркъ не успѣлъ выполнить возложенной на него задачи по очищенію Шелефтѣ и ему волей-неволей пришлось принять здѣсь бой... 2-го мая графъ Шуваловъ сосредоточилъ свои войска въ деревнѣ Сторкоге (верстахъ въ десяти отъ Шелефтѣ) и распорядился слѣдующимъ образомъ: генералъ-майоръ Алексѣевъ, съ четырьмя полками пѣхоты (Ревельскимъ, Сѣвскимъ, Могилевскимъ и 3-мъ егерскимъ) и небольшою частью казаковъ, посланъ по еще державшемуся у береговъ льду Ботническаго залива на Итервикъ, прямо въ тылъ непріятелю. Пушки этой колонны были разобраны, положены на сани и по сторонамъ ихъ шли особо

назначенные люди, придерживавшие орудія на веревкахъ, длиною въ 10—15 сажень. Алексѣевъ долженъ былъ выступить 3-го мая рано утромъ, но такъ какъ это число падало на понедѣльникъ, то онъ не хотѣлъ начинать въ «тяжелый день» столь рискованнаго мѣрша и выговорилъ себѣ у Шувалова разрѣшеніе выступить за $\frac{1}{4}$ часа до полуночи, т. е. еще въ воскресенье. Съ остальными 4 полками (Низовскимъ, Азовскимъ, Калужскимъ и 20-мъ Егерскимъ) самъ Шуваловъ пошелъ большою дорогою.

Шведы получили наканунѣ свѣдѣнія о силахъ русскихъ по направлению ихъ наступленія и Фурумаркъ тотчасъ-же донесъ о томъ главнокомандующему. Шведскіе источники (напр.: Норденшванъ, 448) утверждаетъ, что послѣдній, зная о существованіи льда на заливѣ, предвидѣлъ возможность обхода по немъ русскими фланговъ всѣхъ шведскихъ позицій; поэтому онъ торопилъ вооруженіе военнаго флота, съ тѣмъ, чтобы выслать его какъ можно скорѣе въ море, успѣть преградить русскимъ возможность одолѣвать послѣдующія оборонительныя линіи при содѣйствіи высадокъ... Чтобы оправдать, однако, странную разброску силъ, допущенную шведскимъ главнокомандующимъ, они объясняютъ ее необходимостью защищать продовольственные склады, что будто бы мѣшало Вреде выдѣлить и поддержку Фурумарку... Едва ли, однако, можно согласиться съ этимъ. Все расположеніе шведовъ скорѣе всего отвѣчаетъ предположенію съ ихъ стороны, во 1-хъ, что кампанія раньше конца мая,—какъ и въ прошломъ году—начата не будетъ, а во 2-хъ, что русскіе будутъ пытаться, какъ думали именно сдѣлать въ Финляндіи сами шведы, сочетать наступленіе въ обходъ Ботническаго залива съ рядомъ десантовъ на шведскомъ побережьи, причемъ на послѣдніе возложена будетъ самая главная рѣшающая роль... Такое предположеніе вѣроятно еще и потому, что обширныя приготовленія въ прибрежныхъ финляндскихъ портахъ по подготовкѣ водоплавныхъ средствъ, затѣяныя нами еще зимою, очевидно, не могли быть въ Швеціи тайной.

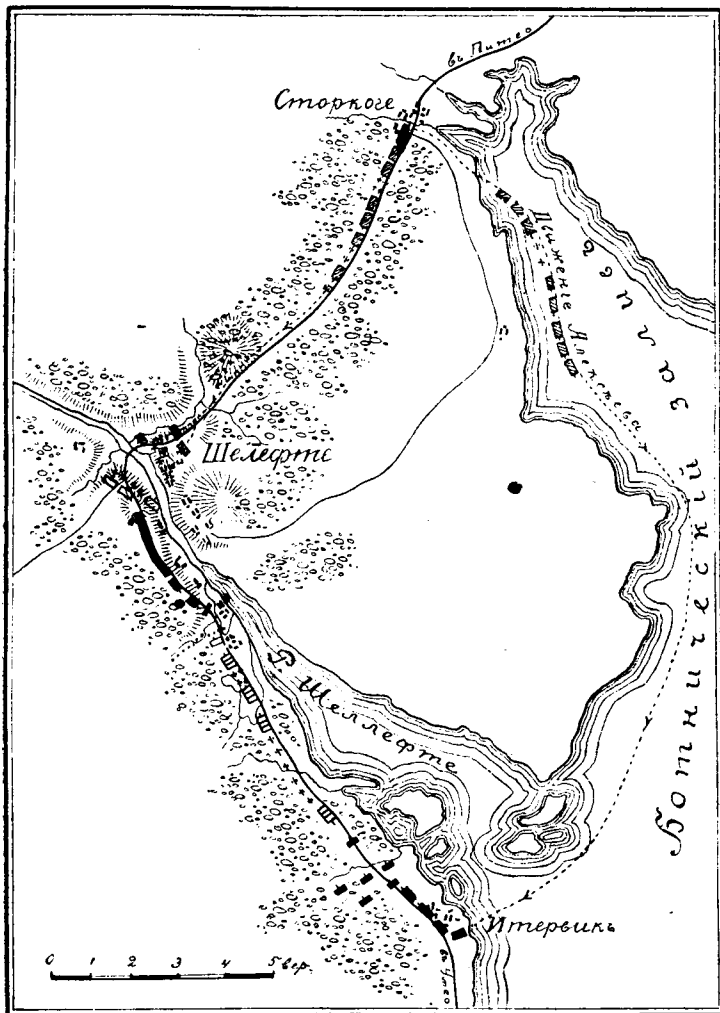
Такимъ образомъ, быстрое наступленіе Шувалова въ Вестроботнію застало непріятеля въ полной неготовности и, главное, въ невозможности успѣть исправить свою разброску.

Обратимся теперь къ боевому столкновенію у Шелефтѣ...

Шедшій въ авангардъ Шувалова Эриксонъ долженъ былъ прежде всего овладѣть длиннымъ мостомъ на рѣкѣ Шелефтѣ, раньше чѣмъ противникъ истребитъ его. Назначенный для этой атаки подполковникъ Карпенковъ, свернувъ съ дороги, пошелъ

лѣсомъ, вплотную подходившимъ къ Шелефтѣ съ сѣверо-востока. Спѣшенные казаки, подъ начальствомъ есаула Орѣхова, составлявшіе головной отрядъ первые пробрались, совершенно незамѣченныя неприятелемъ и, какъ снѣгъ на голову, на него бросились.

Планъ № 1.

Противникъ, уже начавшій ломать мостъ, былъ ошеломленъ до того, что быстро отступилъ по дорогѣ къ Итервику (откуда должна была появиться обходная колонна). Благодаря смѣлому налету Карпенкова (которому впослѣдствіи графъ Шуваловъ приписывалъ весь послѣдующій успѣхъ), мы почти безнаказанно овладѣли пере-

правой и весь отрядъ Шувалова, неотступно идя за своимъ авангардомъ, вскорѣ перешелъ на западный берегъ рѣки, тѣсня непріателя къ морю. Шведы тянулись длинною колонной, прикрывая транспортъ орудій, припасовъ и проч. имущества, вывозимаго изъ Шелефтѣ. Вдругъ, на полу-пути до Итервика, приходитъ къ нимъ извѣстіе о приближеніи русскихъ войскъ къ заливу. Въ первую минуту Фурумаркъ не повѣрилъ и даже арестовалъ доставившаго донесеніе офицера. Дѣйствительно, смѣлость этого движенія была изумительная! 3-го мая повсюду пробивалась свѣжая трава, ледъ на заливѣ еле-еле держался и былъ покрытъ полыньями, черезъ которыя набрасывали помосты. Достаточно сказать, что два дня спустя, т. е. 5-го мая, заливъ былъ *совершенно свободенъ* ото льда! Войскамъ мѣстами пришлось идти по колѣна въ водѣ, нагнанной на ледъ вѣтромъ; близъ берега ледъ отошелъ отъ него на полверсты и болѣе; пришлось удлинить обходъ на нѣсколько верстъ, чтобы получить возможность выбраться на сушу...

Наконецъ, Алексѣевъ вышелъ на берегъ, авангардомъ атаковалъ голову шведскаго прикрытія, разбилъ его и овладѣлъ обозомъ.

Когда же подошли главныя силы Фурумарка (прикрывавшія обозъ, понятно, съ сѣвера, откуда шелъ Шуваловъ) они нашли путь прегражденнымъ колоною Алексѣева, расположенною въ боевомъ порядкѣ. Зажатоу въ клещи, Фурумарку оставалось только капитулировать, что онъ и сдѣлалъ, сдавъ намъ 691 человекъ плѣнныхъ, 22 орудія и 4 знамени...

Шведскіе источники объясняютъ нѣсколько иначе захватъ Фурумарка. Предупрежденный о появленіи русской колонны на льду онъ, будто бы, въ силу необходимости лишь долженъ былъ отступить по дорогѣ на Итервикъ и далѣе берегомъ моря, такъ какъ иначе двигаться ему препятствовали *тяжести*. Путь отъ Шелефтѣ на юго-западъ,—спасавшій отрядъ отъ окруженія—былъ плохую, едва проѣзжею дорогою и притомъ занесенною еще снѣгомъ: нагруженные повозки тамъ пройти не могли. Замѣтимъ, однако, что вывезти тяжести можно было начать *гораздо ранѣе*, какъ только стали поступать донесенія о наступленіи русскихъ. О занятіи ими Питео (въ 5 переходахъ сѣвернѣе Шелефтѣ) Фурумаркъ имѣлъ свѣдѣнія *за недѣлю* почти до боя...

Смѣлый ударъ при Шелефтѣ является однимъ изъ типичныхъ, наиболѣе поучительныхъ и интересныхъ боевъ этой войны. Рискъ былъ, правда, большой,—главнымъ образомъ въ отношеніи *опас-*

ности 24-верстнаго перехода по ненадежному льду; но, въ случаѣ удачи этого движенія, успѣхъ былъ несомнѣненъ и притомъ полный. Нельзя не видѣть въ этомъ бою полного уваженія къ значенію *внезапности*, этой рѣшающей данной на войнѣ... Не ограничиваясь впечатлѣніемъ обхода, наши частные начальники (Эриксонъ, Карпенковъ, Орѣховъ) не брезгаютъ возможностью воспользоваться тою же внезапностью и при фронтальной атакѣ, разьмѣстность и безпечность противника этому способствуютъ... Значительное превосходство силъ нашихъ особенной роли при этомъ не играло: по условіямъ мѣстности (лѣсные дефиле) все было сдѣлано одними передовыми частями, и боеѣ $\frac{3}{4}$ корпуса Шувалова оставалось въ походной колоннѣ и не приняло участія въ бою.

Графъ Вреде, донося герцогу Карлу Зюдерманландскому объ этомъ дѣлѣ, высказалъ, между прочимъ, что «несчастье Шелефтинскаго отряда принадлежитъ къ разряду событій, которые не зависятъ отъ власти человѣческой». Но заблаговременное очищеніе магазина вполнѣ зависѣло отъ распоряженій, если не самого главнокомандующаго, то хотя бы отъ частнаго почина начальника отряда. Со времени Калликса прошло больше мѣсяца, поэтому времени на приведеніе въ исполненіе такихъ распоряженій было вполнѣ достаточно. Но даже и непосредственно передъ боемъ, когда наступленіе русскихъ вполнѣ обозначилось и притомъ въ превосходныхъ силахъ, Фурумарку, если бы онъ яснѣе представлялъ себѣ обстановку, нечего было долго раздумывать, а надлежало не теряя ни минуты, вывозить тяжести и прикрывать ихъ своимъ отступленіемъ. Средствъ для выполненія этого у него было вполнѣ достаточно: онъ былъ въ родной странѣ—этимъ все сказано. Разъ тяжести остались при отрядѣ, онѣ понятно, задержали выступленіе шведскаго отряда изъ Шелефтѣ, самое присутствіе котораго въ этомъ пунктѣ, такъ сказать на отлетѣ отъ раіона общаго сосредоточенія шведскихъ войскъ, только и объясняется оставленіемъ на мѣстѣ запасовъ, подъ самымъ носомъ у русскихъ... Очевидно, шведы не усваивали себѣ того условія данной обстановки, въ силу котораго для насъ *продовольственный вопросъ* являлся важнѣйшимъ; слѣдовательно, лучшимъ способомъ затормозить намъ наступленіе было бы очищеніе пограничной части Вестроботніи отъ *всякихъ средствъ*, не останавливаясь даже передъ собственноручнымъ разореніемъ края, какъ это дѣлывалъ Петръ Великій въ Сѣверную войну, что, казалось бы, шведамъ должно было быть хорошо памятно...

Что это именно такъ,—показываетъ вышеупомянутая задача столь поспѣшно вооружаемому флоту. Вреде готовилъ его вовсе не для перерыва нашихъ морскихъ сообщеній, не для того, чтобы прекращеніемъ подвоза запасовъ моремъ поставить наши войска въ Западной Ботніи въ трудное положеніе, а только съ цѣлью чисто-оборонительной; чтобы помѣшать намъ производить высадки для содѣйствія своему наступленію.

Въ дѣйствительности, какъ увидимъ ниже, шведскій флотъ достигъ той цѣли, которой, повидимому не собирался достигать и его появленіе въ Ботническомъ заливѣ, въ связи съ запозданіемъ нашихъ морскихъ силъ, именно и явилось причиною того, что наше первое наступательное движеніе въ Западную Ботнію, несмотря на тактическіе успѣхи, въ сущности *захлебнулось*.

Получивъ печальную вѣсть о капитуляціи Фурумарка при Шеллефтѣ, Вреде приказалъ фонъ Дебельну ѣхать въ Умео и вступить въ командованіе войсками, оборонявшими сѣверную Швецію. Предмѣстнику его, Кронстедту, страдавшему отъ послѣдствій тяжелой раны и потому не имѣвшему возможности проявить необходимой дѣятельности, разрѣшено было уѣхать въ тылъ. Въ этотъ періодъ войны вообще замѣчается стремленіе прибѣгать къ назначенію фонъ Дебельна всякій разъ, какъ обстоятельства осложняются: на немъ, какъ на единственномъ не утратившемъ силы духа генералѣ, сосредоточиваются послѣдніе лучи шведскихъ упованій...

Въ наставленіи фонъ Дебельну было указано, не вовлекаясь по возможности въ бой съ противникомъ, дабы не рисковать остатками вооруженныхъ силъ, стараться выиграть время, чтобы благополучно отступить изъ Вестро-Ботніи и вывезти оттуда все продовольствіе. Самъ Вреде опасался возможныхъ высадокъ нашихъ войскъ на побережьѣ Средней Швеціи, какъ только очистится окончательно море (въ эту весну ледъ еще все держался у береговъ поэтому онъ держалъ свои силы сосредоточенными въ предѣлахъ провинціи Онгерманландъ (Angermanland) ¹⁾.

По прибытіи въ Умео, фонъ Дебельнъ увидѣлъ всю трудновыполнимость предстоящей ему задачи. Запасовъ было огромное количество ²⁾; вывести ихъ грунтовыми путями потребовало бы много

¹⁾ Норденсванъ, стр. 450. Онъ основываетъ свое описаніе Вестро-Ботнійской операціи на оффиціальныхъ бюлетеняхъ, запискахъ Монгошерри, Бурмана и Амипова и на замѣткахъ самого фонъ Дебельна.

²⁾ Шведскіе источники опредѣляютъ цѣнность всего спасеннаго Дебельномъ имущества въ 300,000 риксдалеровъ, не считая 31 орудія.

времени, да и не удалось бы скоро собрать потребнаго числа лошадей; заливъ у береговъ еще былъ покрытъ льдомъ, а купеческія суда не снаряжены...

Шведскому генералу понадобилось проявить всю присущую ему энергію и настойчивость, чтобы заставить судохозяевъ немедленно приняться за работу и изготовить десять транспортовъ для погрузки всего бывшаго въ Умео военнаго имущества... «Неусыпно слѣдилъ за всѣмъ его бдительный глазъ» (Норденсванъ, 451). Но всетаки едва ли удалось бы ему достигнуть желанной цѣли, если бы не придуманная имъ уловка для задержанія наступленія русскихъ. И всего удивительнѣе, что графъ Шуваловъ поддался здѣсь на ту же удочку, на которую недавно, и съ тѣмъ же Дебельномъ, попался Аракчеевъ на Аландѣ. Шведскій генераль не постѣснился повторить свой кунштюкъ, надѣясь на легковѣріе противника и играя на «благородныхъ чувствахъ», и эти надежды его вполне оправдались...

Къ счастью для Дебельна, дальнѣйшее наступленіе графа Шувалова къ югу послѣ Шелефтѣ не могло совершаться быстро, такъ какъ его задерживали переправы черезъ рядъ широкихъ рѣкъ, устья которыхъ еще болѣе разлились во время половодья... Не будь этого невольнаго промедленія, слабымъ силамъ шведовъ (по показаніямъ ихъ источниковъ, всего не болѣе 1,200 чел.) не пришлось бы противиться вчетверо сильнѣйшему русскому отряду и Умео съ его запасами былъ бы безусловно отданъ побѣдителю. Но чтобы еще вѣрнѣе заручиться временемъ, фонъ Дебельнъ написалъ 11/23 мая графу Шувалову письмо, въ которомъ сообщалъ что заключеніе мира между Россіей и Швеціей близко, что уже назначенъ для переговоровъ уполномоченный, который готовъ къ отъѣзду въ Россію и ждетъ лишь присылки паспортовъ изъ Петербурга... Поэтому такъ какъ дальнѣйшее кровопролитіе является совершенно бесполезнымъ, шведскій генераль предлагалъ заключить перемиріе до 20-го мая (6-го іюня), обязываясь къ этому сроку постепенно очистить Вестро-Ботнію, оставивъ губернатора ея въ нашихъ рукахъ въ видѣ заложника... «Устарѣвъ въ военной службѣ, приближаясь къ концу моего поприща и увѣренный въ скоромъ подписаніи мира, я руководимъ только челоуколюбіемъ; въ настоящемъ случаѣ оно должно взять верхъ надъ бесполезною славой».

Нельзя не высказать сожалѣнія, что во главѣ нашего Вестро-Ботнійскаго корпуса, вмѣсто молодого сравнительно царедворца,

не искушеннаго въ горнилѣ военнаго опыта, не стоялъ такой, можно сказать, «травленный волкъ», какъ знаменитый «князь Петръ» Вагратіонъ... Если бы послѣдняго не остановили бы въ мартѣ Аракчеевъ съ Кноррингомъ—онъ несомнѣнно дошелъ бы до воротъ Стокгольма, пока старшіе рѣшали бы вопросъ о томъ, какъ отвѣтить на предложеніе о перемиріи... Что же касается графа Шувалова, то онъ въ данномъ случаѣ совершилъ крупную ошибку, сильно умалившую тотъ блескъ, который только что доставило ему успѣшное плѣненіе шведскаго отряда въ Калликсѣ...

Отвѣтивъ сперва, какъ и слѣдовало, что не будучи облеченъ правомъ рѣшать политическіе вопросы, онъ не можетъ брать на себя заключеніе перемирія, а потому отправилъ письмо фонъ Дебельна главнокомандующему, Шуваловъ тѣмъ не менѣе «равномѣрно желая щадить *кровь*» (какъ писалъ онъ Дебельну) *пріостановилъ* наступленіе. Переговоры *завязались*—того только и было нужно шведамъ. Пока присланный Шуваловымъ въ Умео квартирмейстерскій офицеръ уславливался со шведами о срокѣ очищенія ими Умео, и о томъ чтобы наши передовыя войска продвинуты были до южной границы провинці Вестро-Ботніи, въ томъ же Умео съ лихорадочной поспѣшностью заканчивалось снаряженіе и нагрузка транспортныхъ судовъ и выводъ ихъ въ море черезъ прорубленные во льду каналы... Наконецъ въ тотъ самый день 14 (26) мая, когда заключена была Шуваловымъ, *не дожидаясь разрѣшенія главнокомандующаго*, конвенція о передачѣ намъ 17-го (29) мая Умео, — семь кораблей вышло изъ Умеосскаго порта и 18-го (30) мая прибыло въ Герноландъ... Такимъ образомъ всѣ запасы и все имущество шведовъ было благополучно вывезено, а войска получили возможность безнаказанно уйдти отъ ударовъ превосходныхъ силъ противника и, избѣгнувъ весьма вѣроятнаго отдѣльнаго пораженія, приблизиться къ главнымъ силамъ барона Вреде... Дебельнъ расположилъ свои силы за рѣкою Эре, уперевъ свой правый флангъ въ море, на которомъ вскорѣ появилась флотилія канонерокъ, а лѣвый флангъ прикрывался обширными лѣсами, простиравшимися до границъ Норвегіи.

Получивъ донесеніе графа Шувалова о переговорахъ съ Дебельномъ главнокомандующій Барклай-де-Толли немедленно отвѣчалъ ему, что «перемирія заключать не нужно». «Предметъ движенія нашихъ войскъ къ Умео—пояснялъ онъ дальше—заключается въ угроженіи непріятелю *дѣятельнѣйшею* войною въ самой Швеціи, ежели держава сія не скоро согласится на миръ. Занявъ Ве-

стро-Ботнію, неосновательно идти далѣе, *не обезпечивъ себя продовольствіемъ, почему самое главное дѣло состоитъ въ снабженіи войскъ състѣнными припасами, и быть потомъ готовыми къ дѣйствіямъ, какія укажутъ обстоятельства*»¹⁾).

Нельзя яснѣе и точнѣ опредѣлить особенности обетановки, при которой приходилось дѣйствовать нашему наступающему корпусу... Но увы! Предупрежденія Барклая запоздали и самонадѣянный Шуваловъ уже совершилъ ту ошибку, которая, вслѣдствіе неготовности нашихъ морскихъ силъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ отразилась на послѣдующемъ ходѣ кампаніи... Самъ Шуваловъ «по болѣзни» сдалъ начальство надъ войсками генералу майору Алексѣеву и, такимъ образомъ, лично избѣжалъ тѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, которыя повлекъ за собою его недостаточно обдуманый образъ дѣйствій...

Вступивъ въ Умео, Алексѣевъ продвинулъ, какъ было условлено, свои передовыя части къ южной границѣ Вестро-Ботніи и занялъ отдѣльными отрядами рядъ пунктовъ по побережью Ботническаго залива...

Мѣстными средствами довольствоваться не было возможности; край былъ уже истощенъ долговременнымъ въ немъ пребываніемъ шведскихъ войскъ, а всѣ бывшіе въ магазинахъ запасы были увезены распоряженіемъ фонъ-Дебельна, или уже использованы ранѣе нами... Приходилось организовать кружный подводъ сухимъ путемъ черезъ Улеоборгъ и Торнео. Дѣло это было налажено съ огромными затрудненіями. Такъ какъ въ Финляндіи собрать потребное количество подводъ даже за плату не удавалось, то еще въ февралѣ мѣсяцѣ, въ предвидѣніи открытія весною наступленій въ Швецію была организована поставка повозокъ съ упряжью и лошадьми въ губерніяхъ Новгородской и Тверской; оттуда вытребовано до 500 подводъ и собрано по наряду 250 ямщиковъ въ собственной одеждѣ. За каждую подводку, платилось изъ казны по 150 рублей, да сверхъ того по 10 рублей на каждую починку. Довольствіе лошадей и подводчиковъ до Петербурга производилось на мірской счетъ, а отъ Петербурга онѣ поступали уже на содержаніе провіантскаго департамента. Нарядъ погонщиковъ былъ засчитанъ въ рекрутскую повинность, а подводки и лошади съ упряжью были впослѣдствіи по минованіи въ нихъ надобности, отданы ямщикамъ въ собственность.

¹⁾ Изъ всеподданнѣйшаго донесенія Барклая-де-Толли № 72. Курсивъ нашъ.

Не смотря на такія огромныя затраты доставка запасовъ, частью черезъ Торнео, частью къ финляндскимъ портамъ для перевозки затѣмъ черезъ Ботническій заливъ моремъ производилась съ задержками; но все же до половины іюня Алексѣевъ спокойно располагался въ Швеціи и, если не предпринималъ ничего, то и не испытывалъ никакихъ существенныхъ неудобствъ.

А между тѣмъ, вниманіе шведовъ въ это время было поглощено жаркими преніями собравшихся въ Стокгольмѣ государственныхъ чиновъ по вопросу о престолонаслѣдіи... Расчеты на поддержку со стороны Наполеона, съ которымъ враждебная свергнутому Густаву IV Адольфу партія думала завязать сношеніе—не оправдались. Императоръ французовъ пока еще держалъ руку своего союзника и не имѣлъ еще поводовъ на него претендовать... Наши войска не воспользовались смутнымъ состояніемъ непріятельской страны и бездѣйствовали; это придало смѣлости противнику и, такъ какъ новое правительство наконецъ провозглашеннаго королемъ Карла Зюдерманландскаго нуждалось въ укрѣпленіи своего престижа, то было рѣшено предпринять что-либо активное. Обстановка какъ разъ этому благоприятствовала; отрядъ Алексѣева, далеко забравшійся въ глубь Швеціи было нетрудно изолировать, при условіи захвата въ свои руки господства на морѣ.

Въ 20-хъ числахъ іюня въ Ботническомъ заливѣ появились 2 шведскихъ фрегата и 1 бригъ. Появленіе этихъ судовъ, хотя и въ небольшомъ покамѣсть числѣ, послужило тѣмъ не менѣ «первымъ предостереженіемъ», изрядно встревожившимъ наше высшее командованіе.

Дѣло въ томъ, что несмотря на всѣ настоянія главнокомандующаго, морскія наши силы до сихъ поръ не были въ надлежащей готовности. Гребная флотилія только 24-го мая вышла изъ Або на Аландъ. Морскія вооруженія въ Або и Улеборгѣ для организациі правильного подвоза черезъ заливъ, шли такъ медленно, что Барклаю-де-Толли пришлось жаловаться Государю на морское министерство. «Вазская флотилія—доносилъ онъ 23-го Іюня—строеніемъ кончена, но вооруженіе доставлено ей только 19-го сего мѣсяца, а тащелажъ еще необдѣланный, огнестрѣльные же заряды и морскимъ служителямъ провіантъ еще не доставлены, почему флотилія не прежде можетъ выступить, какъ въ началѣ іюля, и только когда заряды и провіантъ къ тому времени привезутся въ Вазу. Улеборгская флотилія едвали окончена будетъ нынѣшнимъ лѣтомъ. По сіе время недоставлено въ Улеборгъ, ни морской коман-

ды, ни такелажа, ни парусовъ, ни другихъ матеріаловъ. По вступленіи моемъ въ командованіе арміею, я многократно требовалъ отъ морского начальства нужныхъ пособій къ поспѣшному окончанію сихъ флотилій, отъ *коихъ зависитъ безопасность войскъ въ Вестро-Ботніи*, но медлительность распорядженій морского департамента не соотвѣтствуетъ ни обстоятельствамъ ни моимъ предначертаніямъ». Изъ крупныхъ судовъ въ Вазу прибылъ только одинъ фрегатъ «Богоявленіе» подъ командой капитана-лейтенанта Менцеля ¹⁾, но въ довершеніе бѣды это единственное наше судно, послѣ столкновенія съ двумя непріятельскими судами, оказалось «выведено изъ строя»... Фрегатъ «Богоявленіе», производя развѣдку въ направленіи шведскихъ береговъ, наткнулся въ Кваркенѣ на 2 шведскихъ сорока-восьми пушечныхъ фрегата. Избѣгая неравнаго боя, командиръ нашего судна пошелъ назадъ къ Вазѣ; шведы погнались сзади, но вслѣдствіе наступившаго безвѣтрія,—отстали. Засвѣжившій къ 6 часамъ вечера снова вѣтеръ позволилъ непріятельскимъ фрегатамъ нагнать «Богоявленіе» близъ входа въ проливъ ведущій къ городу Вазѣ и здѣсь завязался бой... Одному изъ фрегатовъ удалось схватиться борть о борть съ нашимъ; другой, къ счастью, приткнулся къ мели и не могъ помогать товарищу; это позволило командиру «Богоявленія» выйти благополучно изъ боя, хотя и съ поврежденіями. На другое утро послѣднія были исправлены и наши моряки рассчитывали возобновить бой, но непріятельскій фрегатъ, снявъ съ мели товарища, ушелъ съ нимъ вмѣстѣ въ море...

Это единственное въ эту войну чисто-морское дѣло имѣло то отрицательное для насъ значеніе, что шведы окончательно овладѣли моремъ и стали перехватывать наши транспортныя суда; мало того, отдѣльные небольшіе отряды на канонерскихъ лодкахъ проплыли вверхъ по рѣкамъ, тревожили отдѣльные отряды корпуса Алексѣева, расквартированнаго широко, захватили нѣсколько постовъ и т. п. Нашимъ войскамъ приходилось быть постоянно на чеку и они молодецки отражали нападенія такого рода, хотя, надо сказать правду, шведы дѣйствовали довольно осторожно и даже нерѣшительно,—настолько велико было ихъ уваженіе къ противнику послѣ ряда предшествовавшихъ его побѣдъ... Мало этого, повторены были прежнія попытки организовать народное движеніе въ тылу у Алексѣева; но характерно, что населеніе коренной Шве-

¹⁾ Въ архивахъ морского министерства имѣется обширная переписка, оевѣщающая эти пререканія.

ці оказалось въ этомъ смыслѣ гораздо менѣе податливымъ, чѣмъ въ Финляндіи: въ сущности, попытку эту здѣсь слѣдуетъ признать совершенно неудавшейся...

Тѣмъ не менѣе начальникъ русскихъ войскъ въ Вестро-Ботніи, г.-м. Алексѣевъ придавалъ слухамъ о народномъ движеніи въ своемъ тылу весьма большое значеніе и вообще находился въ состояніи чрезвычайно озабоченномъ и даже взволнованнымъ. На такое душевное его состояніе оказала безусловно извѣстное вліяніе и неудачный опытъ его недавнихъ дѣйствій въ Карелии, гдѣ ему съ очень слабыми силами довелось оказаться, можно сказать, въ самомъ пеклѣ финляндскаго народнаго движенія, да еще имѣя отрядъ состоящій преимущественно изъ конницы...

«Будучи отъ Улеборга въ разстояніи 600 верстъ (доносилъ онъ 16-го іюня) не имѣя никакой надежды, не только получать провіантъ изъ Улеборга, по причинѣ находящагося непріятельскаго флота, какъ въ Кваркенѣ, такъ и въ сѣверной части Ботническаго залива, гдѣ вся коммуникація съ Финскимъ берегомъ прекращена, но даже уже и опасно курьероръ посылать сухимъ путемъ, поелику жители начинаютъ чинить неудовольствіе намъ, увидѣвши своихъ. Посланный курьеръ черезъ Кваркенъ былъ уже перехваченъ. Изъ сего изволите усмотрѣть, что можно ли держаться мнѣ въ непріятельской землѣ по мѣстному ея положенію, не имѣвши до сихъ поръ ни единого какого-нибудь военнаго судна, съ помощію котораго, по крайней мѣрѣ, коммуникація не была бы прекращена, и тогда мы могли бы надѣяться получить провіантъ, котораго у насъ болѣе нѣтъ, а на контрибуцію нельзя ужъ надѣяться... Алексѣевъ уже предвидѣлъ «ту минуту», когда будетъ «принужденъ оставить сей завоеванный край»... Интереснѣе всего, что все это доносилось не главнокомандующему, а прямо графу Аракчееву, т. е. военному министру и отъ послѣдняго же непосредственно передано было Алексѣеву Высочайшее повелѣніе «держаться въ Умео до послѣдняго человѣка», съ предупрежденіемъ, что «если оставить Умео безъ повелѣнія главнокомандующаго, то отданъ будетъ подъ судъ»¹⁾...

А между тѣмъ, трудность положенія Алексѣева съ его отрядомъ все усугублялась... Настала весна съ ея обычнымъ въ этихъ мѣстностяхъ сильнымъ половодьемъ, вздувающимъ непомѣрно всѣ рѣки и ручьи вслѣдствіе обилія воды отъ тающаго снѣга. Это особенно относится до рѣкъ, берущихъ начало въ горахъ Лапландіи... На

¹⁾ Предписаніе Алексѣеву, военнаго министра 27-го іюня, № 139.

этотъ разъ половодье было особенно бурное, плавучій мостъ на рѣкѣ Умео, устроенный нашими войсками съ невѣроятными затрудненіями, оказался разрушенъ.

Обстоятельство это побудило Алексѣева сблизить отдѣльныя группы своего отряда и онъ подтянулъ ближе къ Умео свой авангардъ, прежде продвинувшійся почти вплотъ до рѣки Эре, составлявшей какъ бы демаркаціонную линію между враждующими сторонами...

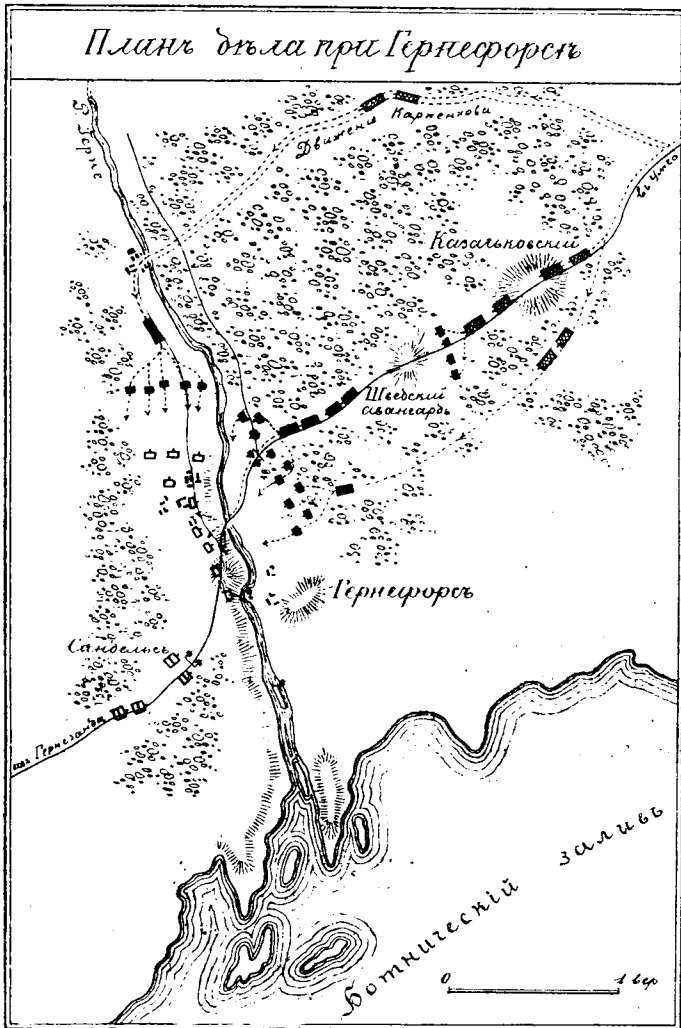
Въ это время у непріятели окончательно созрѣлъ планъ наступательной операціи противъ отряда Алексѣева. Добившись отпращивленія въ сѣверный Кваркенъ эскадры, состоявшей изъ 4-хъ фрегатовъ, и гребной флотиліи, обеспечивавшей флангъ предполагаемаго наступленія, шведскій главнокомандующій Вреде далъ, наконецъ, Сандельсу (смѣнившему Дебельна во главѣ авангарднаго корпуса шведовъ) согласіе на производство нападенія, главнымъ инициаторомъ котораго именно и былъ недавній смѣлый и талантливый руководитель обороны Саволакса...

Сандельсъ рѣшилъ перейти въ наступленіе и очистить отъ русскихъ отрядовъ пространство между рѣками Эре и Умео. Черезъ Эре былъ переброшенъ плавучій мостъ у Хокнэса и въ ночь на 19-е іюня авангардъ Сандельса перешелъ на сѣверный берегъ, а на слѣдующій день — и главныя его силы. Весь отрядъ Сандельса, по шведскимъ источникамъ, не болѣе 2,000 челов.; Михайловскій-Данилевскій (455) показываетъ его въ 3,000.

Внезапность задуманнаго Сандельсомъ нападенія неудалась благодаря измѣнѣ шведки, уроженки одного изъ занятыхъ нами селеній, имѣвшей родственника въ шведскомъ лагерѣ и, при посѣщеніяхъ его, узнававшей о томъ, что тамъ дѣлается. Когда начальнику нашего авангарда извѣстному уже намъ подполковнику Карпенкову, было сообщено ею о готовящемся на насъ нечаянномъ нападеніи, послѣдній успѣшилъ донести объ этомъ Алексѣеву, который рѣшилъ предупредить атаку противника и броситься на него самимъ. Онъ распорядился окончить какъ можно скорѣе исправленіе моста черезъ рѣку Умео и назначилъ отрядъ Козачковскаго (5 полковъ пѣхоты, $\frac{1}{2}$ эск. драгунъ и $\frac{1}{2}$ сотни казаковъ, съ 4-мя орудіями) для выполненія задуманнаго предпріятія.

Въ свою очередь Сандельсъ, получивъ свѣдѣніе о томъ, что русскіе исправили Умеоскій мостъ и переходятъ на Южный берегъ рѣки, повелъ свою бригаду имъ на встрѣчу. Густой лѣсъ, окаймлявшій съ обѣихъ сторонъ путь слѣдованія шведовъ, побудилъ Сан-

дельса приостановить свой отрядъ за рѣкою Гёрне, близъ Гернефорса, выславъ впередъ небольшою сторожевою отрядъ маіора Эрнфота, расположившійся вблизи Седермеле...

Козачковскій раздѣлилъ свои силы на двѣ колонны; самъ съ полками Сѣвскимъ, Калужскимъ и 24 егерскимъ пошелъ большою дорогою, а подполковника Карпенкова, «по его храбрости и благо-разумію», выдѣлилъ въ обходъ лѣваго фланга шведовъ, черезъ лѣсъ, по едва проходимою тропинкѣ. По окончаніи обхода Карпенковъ долженъ былъ выстрѣлами дать о томъ знать фронтальной колоннѣ (за которой въ резервѣ слѣдовалъ Низовскій полкъ),

послѣ чего Козачковскій долженъ былъ броситься съ 2-мя полками на противника съ фронта, а 24-й егерскій полкъ Властова атаковать непріятельскій правый флангъ.

Еще съ вечера 21-го іюня шведскія передовыя части ¹⁾ были сбиты у Седермьеле и подъ покровомъ лѣса присоединились къ своимъ. На слѣдующій день утромъ снова завязался бой на фронтѣ и наши войска здѣсь были отбиты. Но Сандельсъ, видя, что рускіе сами перешли въ наступленіе и что, такимъ образомъ задуманное имъ предпріятіе выполнено быть съ успѣхомъ не можетъ, рѣшилъ, что самымъ благоразумнымъ въ его положеніи, какъ слабѣйшаго, поступкомъ—будетъ возвращеніе на прежнюю позицію за рѣкою Эре, такъ какъ у Гернефорса, по мѣстнымъ условіямъ, никакихъ удобствъ для веденія боя не было. Открытое пространство вдоль лѣваго берега рѣки не превосходило шириною ста шаговъ, а вокругъ облегалась совершенно плоская мѣстность, сплошь покрытая лѣсомъ, который мѣстами прилегалъ вплотную къ берегамъ рѣки... Только на Западномъ берегу близъ моста на большой дорогѣ лѣсъ отступалъ нѣсколько отъ рѣки; на восточномъ берегу, правѣе моста, высилась церковь, а южнѣе, примѣрно въ 2,000 шагахъ располагался Гернефорскій лѣсопильный заводъ съ многочисленными строеніями. Лѣсная дорожка шла вверхъ по рѣкѣ и тамъ, близъ д. Гернехаммаръ, былъ еще небольшой мостикъ. Кромѣ того, можно было обойти всю позицію по дорогѣ, выводившей на береговой трактъ въ 5-ти верстахъ южнѣе Гернефорса.

23-го и 24-го іюня Сандельсъ простоялъ спокойно у Гернефорса пополняя въ войскахъ запасы продовольствія при посредствѣ прибывшаго въ устье рѣки транспортнаго судна. Сторожевыя заставы были расположены: одна восточнѣе устья рѣки, силою въ 50, другая же, на большой дорогѣ и третья—впереди мостика у Гернехаммаръ, въ 100 человекъ. Одинъ баталіонъ бивакировалъ у Кирки, два — за мостомъ вдоль дороги, вмѣстѣ съ артилеріей (6 орудій). *О противникъ точныхъ свѣдѣній не имѣли; знали только, что онъ близко, т. к. патрули, державшіе въ лѣсу связь между заставами, безпрестанно натыкались на наши дозоры и то перехватывались ими, то кружными путями должны были присоединяться къ своимъ...*

¹⁾ Бой при Гернефорсѣ въ русскихъ источникахъ изложенъ настолько кратко, что мы въ значительной мѣрѣ прибѣгли къ содѣйствію шведскихъ, къ сожалѣнію, пока лишь неофициальныхъ, т. к. въ изданіи шведскаго генеральнаго штаба (вышло 4 тома) исторія войны доведена лишь до іюля 1808 года.

Вечеромъ 25-го іюня тронулись наши войска отъ Седермьеле, причеиъ Карпенковъ съ 26 егерскимъ полкомъ, какъ было условлено, свернуль по дорогѣ на Гернехаммаръ.

На шведскихъ бивакахъ только что пробии вечернюю зорю и пропѣли установленные псалмы, какъ раздались выстрѣлы въ заставѣ, стоявшей на большой дорогѣ.

Сперва въ шведскомъ лагерѣ приняли это за обычную перестрѣлку передовыхъ постовъ, но вскорѣ трескотня выстрѣловъ такъ участилась, что уже не могло быть сомнѣнія въ серьезномъ нападении противника. Сандельсъ въ это время какъ разъ ужиналъ со своими офицерами; всѣ повыскакали изъ за стола и бросились къ окнамъ, выходящимъ на Умеоскую дорогу: несмотря на лѣсъ и надвигавшуюся темноту, не трудно было убѣдиться въ истинѣ. Всѣ бросились по мѣстамъ; въ лагерѣ былъ полный беспорядокъ; офицеры, обозные, понтонёры, солдаты, крестьяне—все смѣшалось въ толпу... Въ тоже время изъ Хорнхаммаръ прискакалъ гонецъ съ извѣщеніемъ, что рускіе тѣснятъ и тамошнюю заставу.

Раздосадованный Сандельсъ поспѣшилъ къ мосту, близъ котораго кипѣла свалка. Оказалось, что застава на большой дорогѣ была захвачена врасплохъ Калужскимъ полкомъ; на огонь шведовъ наши отвѣтили еще болѣе энергичнымъ обстрѣливаніемъ и, смявъ противника, по пятамъ его преслѣдовали до самаго моста. Здѣсь шель ожесточенный штыковой бой; вскорѣ и Карпенковъ появился съ сѣверо-запада, наступая вдоль рѣки и тѣсна баталіонъ эсработнїйцевъ. Сандельсъ попытался устроить свои войска за мостомъ, дабы прикрыть отступление своего обоза; но наши напирали со всѣхъ сторонъ, неудержимо стараясь окружить непрїателя съ обоихъ фланговъ; отступление—вѣрнѣ говоря, бѣгство дѣлалось для шведовъ неизбѣжнымъ исходомъ. Сандельсъ началъ отводить свои войска назадъ съ обоихъ фланговъ, а для прикрытія отступления назначилъ баталіонъ подъ командою извѣстнаго партизана Дункера. Послѣдній мужественно отстаивалъ каждую пядь земли, пока, наконецъ, не оказался окончательно отрѣзанъ отъ своихъ. Сандельсъ уже послалъ своего адъютанта Монгомерти, передать Дункеру приказаніе уходить какъ можно скорѣе; но уже колонна Карпенкова отрѣзала Дункеру отступление. На предложеніе сдаться послѣдній отвѣчалъ командою для новаго залпа... Отвѣтнымъ залпомъ смѣльчакъ былъ сраженъ и нѣсколько часовъ спустя скончался на рукахъ у русскихъ солдатъ..

Шведы потеряли въ этомъ безцѣльномъ для нихъ бою много плѣнныхъ (5 офицеровъ и 125 н. чиновъ) и часть обоза. Багажъ самого Сандельса и его собственный столовый сервизъ достался въ руки нашимъ казакамъ, которые во время суматохи и штыковой свалки вынырнули изъ лѣса и, по всегдашнему своему обыкновению, занялись добычей...

«При Гернефорсѣ съ трудомъ узнаешь Сандельса, котораго мы научились знать въ Саволаксѣ», пишетъ Норденшванъ (457)...

Дѣйствительно, разъ замыселъ его оказался разгаданъ русскими и послѣдніе сами перешли противъ него въ наступленіе, разъ онъ уже принципиально рѣшилъ возвращаться,—его трехдневное выжиданіе у Гернефорса, да еще безъ основательнаго развѣдыванія, является положительно непонятнымъ. Неужели же нужно было непременно дожидаться продовольствія съ моря и нельзя было отойти назадъ на свои же магазины?...

Если бы Сандельсъ выждалъ нѣсколько и началъ свое наступленіе хотя бы недѣлю позднѣе, когда въ Ботнической заливъ прибыло на усиленіе шведской эскадры еще 2 фрегата, 1 англійскій корветъ и 6 меньшаго ранга судовъ, то, надо полагать, не ему бы пришлось искать перемирія, а, наоборотъ, сами русскіе вынуждены были бы это сдѣлать. А теперь инициатива переговоровъ исходила отъ шведовъ и нашего уполномоченнаго барона Тейльфонъ-Сераскеркена пригласили даже къ самому главнокомандующему Вреде: такъ велико было моральное впечатлѣніе Гернефорскаго дѣла... На перемиріе у насъ опять не согласились, опять послали къ главнокомандующему, но опять только формально, такъ какъ мы сами нуждались въ томъ, чтобы выговорить себѣ поскорѣе такія условія, которыя давали бы намъ обезпеченный подвозъ съѣстныхъ припасовъ... Условія эти были установлены слѣдующія: а) шведамъ и русскимъ оставаться неподвижно въ занимаемыхъ позиціяхъ и предупреждать другъ друга за три недѣли о возобновленіи военныхъ дѣйствій... б) отъ Умео до Базы провести поперекъ Ботническаго залива деморкаціонную линію, южнѣе которой не ходитъ русскимъ, а сѣвернѣе—шведскимъ военнымъ кораблямъ, до начала военныхъ дѣйствій¹⁾; в) по полученіи отвѣта нашего главнокомандующаго—извѣстить о томъ Сандельса.

Перемиріе это давало намъ возможность получить безпрепятственно въ Умео продовольствіе, безъ чего въ Вестроботніи хва-

¹⁾ Не принимая въ расчетъ тѣхъ судовъ, которыя уже находятся южнѣе этой черты.

тило бы хлѣба только до 16-го августа... Условія перемирія представлены были главнокомандующимъ на Высочайшее усмотрѣніе и были утверждены, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, а именно: предупреждать о возобновленіи военныхъ дѣйствій только за четыре дня, вмѣсто трехъ недѣль, а затѣмъ, обусловить намъ свободу судоходства въ южной части Ботническаго залива по берегамъ Финляндіи...

Заклѣчить перемиріе на этихъ условіяхъ долженъ былъ уже не Алексѣевъ, а графъ Каменскій, назначенный вмѣсто него начальникомъ Улеборгскаго корпуса. Одновременно съ этимъ назначеніемъ съѣхались и уполномоченные обѣихъ сторонъ въ Фридрихсгамъ для начатія мирныхъ переговоровъ.

Въ назначеніи графа Каменскаго въ Вестрботнію нельзя не видѣть желанія Императора Александра имѣть въ своихъ рукахъ надежное средство для оказанія давленія на успѣхи Фридрихсгамскихъ переговоровъ, въ случаѣ какихъ-либо тамъ несогласій или заминокъ.

Весеннія операціи наши въ Вестрботніи, несмотря на тактическіе успѣхи при Шелефтѣ и Гернефорсѣ, велись, въ общемъ, недостаточно увѣренно и даже съ нѣкоторою робостью. Небезпеченность сообщеній, зависѣвшая отъ невыполненія морскимъ министерствомъ необходимыхъ приготовленій и потому отъ невозможности для насъ прочно утвердиться въ сѣверной части Ботническаго залива, порождала въ нашихъ начальникахъ неувѣренность, какъ бы связывавшую ихъ по рукамъ и по ногамъ. Поэтому одерживаемые нами на поляхъ сраженій успѣхи пропадали совершенно даромъ; время уходило понапрасну на переговоры, а слишкомъ явная склонность наша достаточно прозрачно обнаруживала противнику, насколько мы, въ сущности, неловко себя чувствовали «за моремъ»...

Между тѣмъ, для достиженія такихъ условій мира, которыя были намъ нужны, необходимо было показать противнику непреклонную рѣшимость и настойчивость, нужно было поразить его воображеніе новыми сокрушительными ударами... Для этой цѣли, конечно, трудно было сдѣлать лучший выборъ, такъ какъ Каменскій уже успѣлъ достаточно отрекомендовать себя именно въ указанномъ смыслѣ...

Конечно, вопросъ рѣшался бы гораздо легче, если бы мы могли двинуть въ сѣверную часть Ботническаго залива достаточно сильный флотъ, который, постепенно очищая заливъ отъ судовъ не-

пріятеля и прикрывая сообщенія нашего шведскаго корпуса, обезпечивалъ бы ему свободу дѣйствій въ Швеціи... Но уже въ началѣ іюня выходъ нашему флоту изъ Кронштадта былъ окончательно закрытъ: англійскій адмиралъ Сомарецъ 23-го мая пришелъ въ Карлскрену; въ первыхъ числахъ іюня съ 10-ю линейными кораблями и 17-ю меньшаго размѣра судами онъ вошелъ въ Финскій заливъ и, выславъ крейсера на развѣдку, сталъ на якорь близъ о. Нарчена.

Нашъ флотъ, волей-неволей, осужденъ былъ на оборонительную роль. Выйдя въ концѣ мая на Кронштадтскій рейдъ онъ производилъ только развѣдки крейсерами, которые имѣли съ англичанами нѣсколько отдѣльныхъ боевыхъ столкновеній...

Такимъ образомъ, графу Каменскому пришлось дѣйствовать въ Вестроботніи при исключительно-трудныхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ онъ, однако, вышелъ съ честью и далъ новый образецъ своего искусства въ своей августовской Севаръ-Ратанской операціи, о которой уже будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ.

П. Кубѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

